

ЖУВОЖЪ ВЪЗМЯ

№ 12040

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПЯТНИЦА, 18-го СЕНТЯБРЯ (1-го ОКТЯБРЯ) 1909 ГОДА.

◆ В Александринском театре возобновили «Иванова», возобновили провинциальную манеру «съ трескомъ» разыгрывать драмы такого интимного художника, какъ А. П. Чеховъ. Но крайней мѣрѣ г. Ходотовъ не показалъ ни собственного дѣла, ни казеннаго рояля ради «реального» воспроизведения душевныхъ терзаний Иванова. Это мѣло, пусть и характерная, — скажутъ мнѣ, — но нельзя ее выхватывать такъ, сразу, не поговоривъ о главномъ и существенномъ. Въ томъ-то и дѣло, что главнымъ и существеннымъ во всемъ спектаклѣ было творчество М. Г. Савиной (Сара Абрамовна), а вовсе не «Ивановъ», не пьеса и ея герой. Правда, это творчество было такъ проникновенно и потрясающе, озарило такимъ глубокимъ и мягкимъ сияніемъ чеховскій образъ «жидовочки» — хороша она была человекъ, что за одно это наслажденіе можно «простить и забыть» многое.

Однако и у Чехова есть кой-какія права на особое вниманіе, а по его замыслу первое мѣсто долженъ занимать Ивановъ, подаркомъ его именемъ названа вся пьеса. Остальные лица (въ томъ числѣ и жена), все это — фонъ, отгнѣившій нудные переливы ивановскаго самосознанія, или широкая рамка, вырѣзанная изъ «родныхъ березъ» дуковымъ насмѣшникомъ Чехонте къ набросанному Чеховымъ портрету. Въ глазахъ «всѣхъ», всего уѣзда, Ивановъ — человекъ особенный, замѣчательный, «чуждакъ» или «протобестія», «несчастный» или «мошенникъ», но, во всякомъ случаѣ, ось, вокругъ которой скривитъ незаманное колесо пустопорожней уѣздной жизни. Выньте эту ось — и все разсыпется въ груды ничѣмъ не обобщенныхъ и не связанныхъ тинювъ, сценъ, картинокъ, драма превращается въ «пропущеніе», тонкій психологическій узоръ непонятной ни собой, ни другими, недюжинной, хоть и слабодушной — въ мелодраматическое шитье надобидливаго и истеричнаго «сизанина».

Такъ и вышло на Александринской сценѣ. То, что у Чехова объединено присущимъ ему стилемъ, оказалось разъединеннымъ въ постановкѣ, въ которой не чувствовалось ни опредѣленнаго режиссерскаго замысла, ни общаго тона: первое дѣйствие прошло будто подъ Станиславскаго, второе вышло фарсомъ, третье — «собственно драмой»... А такъ какъ сверхъ того Ивановъ не былъ на высотѣ, то на первый планъ выступили второстепенныя лица, всякъ старался самъ за себя, пошли «пределы», словечки «на выходъ» и «уходъ», стали «поднимать» въ публичку «эффектная» мѣста, — словомъ, зритель совершенно незамѣтно отутлился въ театральныя Тетюшакъ. И лишь Савина... Какое великолѣпіе, какую непередаваемую роскошь сценической техники развернулъ и освѣтилъ ея искрометный талантъ! Этотъ хриплый, раздражающій грудъ кашель, заразившій притихшую толпу въ партерѣ, этотъ глухой, полумертвый голосъ, ради чего артистка цѣлый актъ еле дышала, — развѣ это не то высокое «варварство» по отношенію къ себѣ, не та священная жертва, на которую способна лишь жрица искусства въ мигъ вдохновеннаго служенія театральному божеству! Не хочется говорить о «Сарѣ» — надо видѣть ее, видѣть, какъ изъ-за сутулой фигуры измученной болѣзнью и жизнью, цестро и неразумно одѣтой еврейки вырастаетъ и леденитъ душу образъ самой Трагедіи...

«Иванову» исполнилось нынче двадцать лѣтъ, и гг. режиссеры Александринскаго театра весьма тщательно соблюли турирный «духъ» эпохи 80-хъ годовъ въ дамскихъ нарядахъ. Жаль, что эти почтенные труды не были затрачены на болѣе существенное, хотя бы на приведеніе въ «естественное» состояніе картоннаго сада въ первомъ актѣ, на болѣе правдоподобные размѣры и убранство сада во второмъ и т. д.

Объ исполнителяхъ... Если не было ансамбля, то отдѣльныя мѣста не могли не быть интересны, развѣ на сценѣ г-жа Стрѣльская, г. Варламовъ, г. Петровский. Насколько г. Петровский старался «найти» графа Шабельскаго, настолько г. Варламовъ знаетъ не хотѣть о томъ, что играетъ председателя земской управы и кандидата московскаго университета, а не Кить-Китыча. Неповѣрно, за что такъ не влюбилъ Чехова столяръ русской комедіи. Вотъ, г. Черскій прямо игралъ Ноздрева, а у г. Шаповаленки сквозь фигуру акцизнаго поочередно просвѣчивали Добчинскій-Гобчинскій.

— Не везетъ Чехову на образцовой сценѣ, — поговаривали въ публичкѣ, которой, вѣрнѣе сказать, было въ театрѣ немного. Едва ли только Чехову. П. Коаради.